

1 Апрелья

№ 10-й

1905 года.

ПОЛТАВСКІЯ Єпархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФІЦІАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА

по прочтеніи Высочайшаго манифеста, даннаго
18 февраля 1905 года.

„Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти,—правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Бога бойтесь, царя чтите“ (1 Петр. II, 13. 14. 17).

Такъ наставляеть всѣхъ христіанъ св. апостоль Петръ. И намъ особенно необходимо напоминаніе его наставленія теперь. Теперь много между людьми появилось презорства, безчиній и всякихъ беззаконій. Теперь изъ послушанія законной власти и порядку стали выходить не только возрастные люди, но даже учащіеся юноши и дѣти. Отъ этого происходитъ всѣмъ жителямъ туга и тѣснота.

Любвеобильный и благочестивѣйшій нашъ Государь Императоръ, скорбя о происходящихъ нестроеніяхъ и желая всѣмъ намъ блага, обратился ко всѣмъ поданнымъ съ своимъ царскимъ отеческимъ словомъ. Это слово есть прочитанный нами Высочайшій Манифестъ. Для собственнаго блага всѣ

мы возможно совершеннѣе должны вникнуть и по христіански исполнить его. Для сего по частямъ мы еще прочитаемъ и углубимся въ сей Манифестъ.

Манифестъ начинается слѣдующими словами. „*Неисповѣдимому Промыслу Божию благоугодно было послѣдствовать Отчеству наше тяжкими испытаніями. Кровавопролитная война на Дальнемъ Востоку за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преемства не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ, — потребовала отъ народа Русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многіе доройя, родныя сердцу Нашему жертвы*“.

Вникнемъ въ Царскія слова.

Всѣ мы знаемъ, что теперь идетъ кровавопролитная и тяжелая для насъ война съ Японцами. Если по слову Спасителя, во святомъ Евангеліи, всѣ волосы на головѣ нашей сочтены и не падаютъ безъ воли Отца небеснаго, то тѣмъ болѣе безъ воли Господней не падаютъ наши головы и наша жизнь. (Матѳ. X, 28—31). Такъ и нынѣшняя война попущена Господомъ для нашего испытанія. Не мы ее начали, — врагъ коварно напалъ на насъ. Всѣмъ извѣстно, какъ безъ войны были потоплены японцами наши корабли „Варягъ“ и „Кореецъ“. И намъ необходимо защищаться. Этого требуетъ честь и достоинство Россіи, этого требуетъ господство наше въ водахъ теплаго Тихаго океана. Безъ этого господства въ водахъ Тихаго океана намъ нѣтъ свободнаго выхода въ морскіе пути. Когда посредствомъ побѣды надъ врагами мы твердо ногою станемъ у береговъ этого океана, тогда только наше государство обезпечить себѣ здѣсь мирную и благополучную жизнь въ долготу вѣковъ, т. е. на продолжительное вѣковое время. И потому потребовалось отъ всѣхъ насъ и напряженіе силъ, и жертвы человѣческими жизнями,

Далѣе читаемъ въ Манифестѣ. „*Изъ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззапятною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, — въ самомъ Отецествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби*“.

И дѣйствительно, съ великимъ и полнымъ самоотверженіемъ теперь отдають жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество одинаково доблестные военачальники и христіолюбивые воины. А между тѣмъ въ самомъ отечествѣ нашемъ въ это самое время поднялась смута. Распространяются всякіе нелѣпые слухи, смущающіе и раздирающіе населеніе. Подъ видомъ требованія правъ, въ разныхъ мѣстахъ начаты волненія и беспорядки. Кому на пользу эта смута и беспорядки? Она на пользу врагамъ нашего Отечества. Война отъ этого становится труднѣе, для всѣхъ жизнь становится тяжелѣе. Чѣмъ согрѣшаемъ, тѣмъ и наказуемся.

Въ Манифестѣ далѣе говорится. „Ослабленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковію и утвержденные законами основныя устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушивъ существующій государственный строй и, вмѣсто оного, учредить новое управленіе страню на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ.“

Въ этихъ словахъ Манифеста указано то, чего добиваются мятежные вожди. Именно, они стремятся ниспровергнуть основы нашей государственной жизни, чтобы установить у насъ несвойственное и чуждое намъ иное управленіе. Нашъ государственный строй не извнѣ навязанъ намъ. Онъ постепенно въ теченіи тысячелѣтія слагался Божиимъ благословеніемъ, трудами прославленныхъ Господомъ князей и благочестивыхъ царей, трудами великихъ святителей и печальниковъ Земли Русской, молитвами нашихъ подвижниковъ, усердіемъ богобоязненнаго и царелюбиваго нашего народа. Вспомнимъ драгоцѣнныя имена святыхъ князей Владиміра и Ольги Кіевскихъ, Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, и многихъ другихъ. Вспомнимъ имена святителей Михаила Кіевскаго, Петра, Алексія, Іоны, Филиппа Московскихъ, Макарія Кіевскаго и другихъ. Вспомнимъ святыхъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія Кіево-Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Макарія Переяславскаго, Серафима Саровскаго и великій сонмъ другихъ молитвенниковъ за Землю Русскую. Всѣ они своимъ трудовымъ потомъ и слезной молитвой

мы возможно совершеннѣе должны вникнуть и по христіански исполнить его. Для сего по частямъ мы еще прочитаемъ и углубимся въ сей Манифестъ.

Манифестъ начинается слѣдующими словами. „*Неисповѣдимому Промыслу Божию благоугодно было послѣдить Отечество наше тяжкими испытаніями. Кровопрлитная война на Дальнемъ Востоку за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ, — потребовала отъ народа Русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многие дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы*“.

Вникнемъ въ Царскія слова.

Всѣ мы знаемъ, что теперь идетъ кровопрлитная и тяжелая для насъ война съ Японцами. Если по слову Спасителя, во святомъ Евангеліи, всѣ волосы на головѣ нашей сочтены и не падаютъ безъ воли Отца небеснаго, то тѣмъ болѣе безъ воли Господней не падаютъ наши головы и наша жизнь. (Матѣ. X, 28—31). Такъ и нынѣшняя война поущена Господомъ для нашего испытанія. Не мы ее начали, — врагъ коварно напалъ на насъ. Всѣмъ извѣстно, какъ безъ войны были потоплены японцами наши корабли „Варягъ“ и „Кореецъ“. И намъ необходимо защищаться. Этому требуетъ честь и достоинство Россіи, этого требуетъ господство наше въ водахъ теплаго Тихаго океана. Безъ этого господства въ водахъ Тихаго океана намъ нѣтъ свободнаго выхода въ морскіе пути. Когда посредствомъ побѣды надъ врагами мы твердою ногою станемъ у береговъ этого океана, тогда только наше государство обезпечить себѣ здѣсь мирную и благополучную жизнь въ долготу вѣковъ, т. е. на продолжительное вѣковое время. И потому потребовалось отъ всѣхъ насъ и напряженіе силъ, и жертвы челоуѣческими жизнями,

Далѣе читаемъ въ Манифестѣ. „*Изъ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, — въ самомъ Отецествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби*“.

И дѣйствительно, съ великимъ и полнымъ самоотверженіемъ теперь отдають жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество одинаково доблестные военачальники и христілюбивые воины. А между тѣмъ въ самомъ отечествѣ нашемъ въ это самое время поднялась смута. Рапространяются всякіе нелѣпые слухи, смущающіе и раздрающіе населеніе. Подъ видомъ требованія правъ, въ разныхъ мѣстахъ начаты волненія и беспорядки. Кому на пользу эта смута и беспорядки? Она на пользу врагамъ нашего Отечества. Война отъ этого становится труднѣе, для всѣхъ жизнь становится тяжелѣе. Чѣмъ согрѣшаемъ, тѣмъ и наказуемся.

Въ Манифестѣ далѣе говорится. „Ослабленные гордынею злоумышленныя вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковію и утвержденныя законами основныя устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушивъ существующій государственный строй и, вмѣсто оного, учредить новое управленіе странюю на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ.“

Въ этихъ словахъ Манифеста указано то, чего добиваются мятежные вожди. Именно, они стремятся ниспровергнуть основы нашей государственной жизни, чтобы установить у насъ несвойственное и чуждое намъ иное управленіе. Нашъ государственный строй не извнѣ навязанъ намъ. Онъ постепенно въ теченіи тысячелѣтія слагался Божиимъ благословеніемъ, трудами прославленныхъ Господомъ князей и благочестивыхъ царей, трудами великихъ святителей и печальниковъ Земли Русской, молитвами нашихъ подвижниковъ, усердіемъ богобоязненнаго и царелюбиваго нашего народа. Вспомнимъ драгоцѣнныя имена святыхъ князей Владиміра и Ольги Кіевскихъ, Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, и многихъ другихъ. Вспомнимъ имена святителей Михаила Кіевскаго, Петра, Алексія, Іоны, Филиппа Московскихъ, Макарія Кіевскаго и другихъ. Вспомнимъ святыхъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія Кіево-Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Макарія Переяславскаго, Серафима Саровскаго и великій сонмъ другихъ молитвенниковъ за Землю Русскую. Всѣ они своимъ трудовымъ потомъ и слезной молитвой

утвердили у насъ Самодержавную Царскую Власть и съ нею общественную жизнь, которая усилями доблестныхъ честныхъ гражданъ окрѣпла и выросла въ нынѣшнее великое Государство. Можно ли просто по желанію немногихъ людей разорвать эту связь государства съ его прошлымъ и измѣнить законы и жизнь, какъ мѣняютъ одежду? Не подобаетъ легкомысленно измѣнять того, что освящено святой Вѣрой и что вѣками вошло въ плоть и кровь жизни народной.

Въ Манифестѣ говорится. *„Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго Первопрестольную Столицу и безвременно погибшаго мотюю смертію среди священныя памяти Московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей Родины“.*

Въ этихъ словахъ говорится о происшедшемъ недѣлѣ возмутительнѣйшемъ злодѣйскомъ убійствѣ Великаго Князя Сергія Александровича, сына Царя Освободителя. Произведшіе смуту внутренніе враги нашего Отечества въ этомъ случаѣ ясно показали всю свою гнусность

Затѣмъ въ Манифестѣ читаемъ. *„Со смиреніемъ принимая все сіи, ниспосланныя Правосудіемъ Божиимъ, испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ упованіи на милосердіе Господа, отъ вѣка Державъ Россійской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего. Молитвами Святой Православной Церкви, подѣ стязомъ Самодержавной Царской Власти и въ нераздѣльномъ единеніи съ Нею, Земля Русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимою“.*

Въ этихъ словахъ Благочестивѣйшій Государь нашъ исповѣдуетъ Свою смиренную покорность волѣ Божіей при постигшихъ Его и насъ тяжелыхъ испытаніяхъ. За свою многолѣтнюю жизнь страна наша неоднократно испытывала великія войны и страшныя смуты. Напримѣръ, почти триста лѣтъ тому назадъ во время междуцарствія были смуты самозванщины, а полтора ста лѣтъ тому назадъ былъ Пугачевскій бунтъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ была многолѣтняя тяжелая война со Шведами при Императорѣ Петрѣ Первомъ, а сто

дѣтъ тому назадъ еще болѣе страшная война была съ Французами и двадцатью народами при Императорѣ Александрѣ Первомъ, когда враги заняли было даже Москву. И всѣ эти тягости побѣдоносно и благополучно были у насъ пережиты. А что спасало въ этихъ обстоятельствахъ наше Отечество? Спасала насъ крѣпкая вѣра и усердная христіанская молитва ко Господу, спасало насъ при этомъ довѣрчивое единеніе и полная преданность всего Русскаго народа своему Богомъ дарованному Самодержавному Царю. Въ семъ заключается сила для нашихъ побѣдъ надъ врагами внутренними и внѣшними.

Въ Манифестѣ говорится. „*Но внутреннія нестроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить Правительственнымъ Учрежденіямъ и Властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней должъ службы и великія присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности предъ Престоламъ и Отечествомъ*“.

Въ этихъ словахъ Государь Императоръ даетъ напоминаніе всѣмъ служащимъ въ Государствѣ Его Царевымъ слугамъ, дабы всѣ они внимательно и старательно исполняли каждый свою обязанность по охранѣ закона и порядка среди всего населенія. Каждый изъ должностныхъ лицъ обязанъ поступать по совѣсти и по данной имъ присягѣ.

Въ Манифестѣ далѣе говорится. „*Непрестанно помышляя о благи народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣніе, благословитъ оружіе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждого въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ Земль нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначерта. ній Нашихъ направленныхъ къ обновленію духовной жизни на-*

рода, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка. Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего все Русскіе люди, вѣрные завѣтѣмъ родной старины, радья честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомыслии съ Нами“.

Въ сихъ словахъ Государь Императоръ призываетъ благомысленныхъ истинно Русскихъ людей всякаго званія и состоянія, т. е. всѣхъ насъ, къ тому, дабы каждый изъ насъ со всѣмъ усердіемъ содѣйствовалъ установленнымъ властямъ въ искорененіи крамолы и смуты и въ побѣдѣ надъ вѣшнимъ врагомъ. Для этого каждый изъ насъ долженъ честно и добросовѣстно, исполнять свою законную обязанность. Каждый долженъ не только самъ отстраняться, но и другихъ отстранять отъ тѣхъ злоумышленныхъ людей, которые коварно распространяютъ кривые толки, сѣютъ смуту, словомъ и дѣломъ. Предпріятыя Государемъ всякія улучшенія общественной жизни возможно осуществить только при спокойномъ и бодромъ настроеніи духа у всего населенія.

Манифестъ заканчивается слѣдующимъ молитвеннымъ благожеланіемъ Государя. „Да подастъ Господь Державы Россійской: Пастырямъ—святлю, Правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрность—преспяніе, къ вѣщшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всемъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.“

Эти слова Манифеста выражаютъ сердечный молитвенный вопль и всѣхъ истинно Русскихъ людей. О, буди сіе, буди!

Вспомнимъ мы въ заключеніе слѣдующее наставленіе святаго апостола Павла и по нему поступимъ. Именно, онъ говоритъ ко всѣмъ христіанамъ: „прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія благодаренія за всѣхъ челоуѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочетъ, чтобы все люди спаслись и достигли названія истины“ (1 Тимое. II, 1—4). Помолимся мы объ этомъ.

Бесѣды пастыря къ пасомымъ *).

14-е.

(О 8-й заповѣди; своеобразное пониманіе правъ чужой собственности).

Вчера у насъ въ церкви случилось несчастье: не стало ящика съ попечительскими деньгами, который хранился на клиросъ старосты; денегъ въ немъ было не много, — всего около 20-ти рублей, — но возмутительна та дерзость, съ какой совершена была та кража. Среди бѣла дня, когда меня не было дома, воръ зашелъ ко мнѣ въ домъ, взялъ въ другой комнатѣ на стѣнкѣ ключи, на виду проходящаго мимо церкви люда отперъ церковь, взялъ ящикъ съ деньгами, теперь, какъ было раньше, отнесъ ключи на мѣсто и пошелъ съ парнями гулять на деньги, легко добытыя. Когда вечеромъ оглядѣлись, пошли спросы и разговоры, стали указывать на одного парня, котораго видѣли въ этотъ день и у меня въ домѣ и около церкви; пошли разные улики. Опровергать было трудно, почти невозможно, и я рѣшилъ вызвать подозрѣваемаго на чистосердечное сознаніе. Онъ плакалъ, божился, крестился, клялся всѣмъ, самымъ дорогимъ для него, — но въ кражѣ не сознавался. Зову отца, прошу его мнѣ, какъ пастырю духовному, сказать, чтобы не порочить его сына, не заводитъ дѣла. Отецъ обиженъ: „какое - такое вы имѣете право подозрѣвать моего сына; коли не поймали, не говорите, что онъ воръ!...“ Пришлось обратиться къ помощи закона...

Отецъ взволнованъ и разсерженъ не потому, что увѣренъ въ честности и невиновности своего сына, а онъ увѣренъ и даже убѣжденъ, что не найдется прямыхъ уликъ къ обвиненію его сына, а это, по принятому у васъ понятію, все равно, что и не украсть: не поймалъ, не говори, что воръ!...

Припоминается мнѣ случай, недавно бывшій здѣсь: ѣхали мы съ однимъ изъ прихожанъ, человѣкомъ почтеннымъ и

*) См. Полт. Епарх. Вѣдом. 1904 г. № 29-й.

достаточнымъ, въ хуторъ. Выѣхали за село, ѣдемъ полемъ и видимъ: впереди насъ на плохенькой клячкѣ, на возу съ прорванными лубьями, ѣдетъ одинъ—бѣднякъ приходянинъ; онъ дернулъ лошадь, она рванула, и изъ дырляго воза свернувшись комомъ, выпала его свита, новая, овечьего сукна. Не успѣлъ я окрикнуть мужичка, чтобы онъ остановился, какъ мой спутникъ мигомъ спрыгнулъ съ воза, схватилъ свиту и быстро уместилъ ее на нашей повозкѣ. Спрашиваю: зачѣмъ?—Какъ? мы нашли ее, значитъ она—наша; а если и придется отдать, то, все-же даромъ не дадимъ!”

Мнѣ стоило большихъ усилій убѣдигъ почтеннаго хозяина отдать свиту бѣдняку; и хотя онъ дѣйствительно согласился, но видно было, что это онъ сдѣлалъ уступая мнѣ, такъ какъ на мои увѣренія, что это не только не хорошо, но даже не честно, онъ смотрѣлъ молча, педовольно и даже съ ядовитой усмѣшкой, что я человѣкъ еще молодой и неопытный въ жизни...

Я привелъ этотъ случай не въ обвиненіе того почтеннаго человѣка, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать и найти свиту, а чтобы яснѣе показать, насколько затемнено у васъ пониманіе правъ о чужой собственности, что даже люди, лучшіе между вами своей порядочностью, своимъ общественнымъ положеніемъ, даже и тѣ смотрятъ на дѣло такъ: что съ воза упало, ниши пропало!

Восьмая заповѣдь Закона Божія говоритъ: „не укради!“ а вы учите дѣтей вашихъ: „крадь, да не ловись; попадешься, будешь воромъ, нѣтъ — тебя никто воромъ назвать не смѣетъ“.

И во вчерашнемъ отвѣтѣ отца, защищавшаго своего заподозрѣннаго въ воровствѣ сына, я вижу это закоренѣлое зло—неуваженіе правъ одного на неотъемлемую собственность другого. Отсюда у васъ недоверіе другъ къ другу, нетвердость въ исполненіи даннаго слова, недобросовѣтность взаимныхъ отношеній; вы считаете правымъ только то, что выгодно для васъ: если ты взялъ задатокъ впередъ, получилъ жалованья больше, чѣмъ заработалъ, выручилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, ты не считаешь это воровствомъ, даже никто

не станеть укорять тебя въ этомъ,—ты не въ убыткахъ, значить, ты правъ.

А, между тѣмъ, по Заповѣди Божіей, воръ не только тотъ, кто тайно укралъ, хотя бы и не поймался, но и—грабитель, насильникъ чужой вещи, обманщикъ, хитрый присвоитель чужаго, святотать, или—присвоитель того, что принадлежитъ Богу, и что принадлежитъ церкви; не избѣжить, по этой заповѣди, суда Божьяго и тотъ, кто удерживаетъ неправо плату работника своего, а также—и тотъ работникъ, который, получая всю плату, не отработываетъ ее.

Судъ Божій строгъ и неизбѣженъ, бойтесь его!

14-я.

(О свадебныхъ обычаяхъ простаго народа).

Теперь время свадебъ, свадебныхъ увеселеній; всё волнуется, суетятся, чтобы все устроить такъ, какъ заведено изъ старины; отступить отъ этихъ порядковъ Боже сохрани,—засудятъ, засмѣютъ васъ! А порядки эти очень дики и безтолковы; не только нѣтъ въ нихъ смысла, но даже никто и не старается хоть сколько нибудь осмыслить ихъ; сплошное пьянство, суета, ничего невыражающіе обычаи:

Въ субботу вечеромъ идетъ съ боярами и музыкой женихъ въ домъ невесты: дружки вносятъ „гильце“—маленькое деревцо, обвитое и увѣшанное цвѣтной бумагой. Я спрашивалъ многихъ изъ васъ, даже „законовѣдовъ“ вашихъ: что это означаетъ, для чего? Никто мнѣ не далъ никакого отвѣта, только и говорили: „такъ, годытця (принято), стари люди завелы“. А между тѣмъ, „гильце“ это, какъ великую святыню, съ пѣніемъ торжественныхъ пѣсенъ, вносятъ въ хату, ставятъ на столъ, а на другой день бережно дѣлятъ его между родными и знакомыми; дѣвушки, получивъ вѣточку „гильца“, осторожно несутъ домой и прячутъ за образа.

Въ этотъ-же вечеръ „бгають“ (мѣсятъ и лѣпятъ) коровай. Собравшіяся бабы, матери родственницы жениха и невесты—выбирають изъ гостей „вермена“, веселаго, расторопнаго мужика, заставляють его „помыломъ“ выметать печь, да

ють лопату, садятъ каравай, который „вермень“ долженъ посадить въ печь; послѣ этого три бабы съ „верменомъ“ берутъ на-крестъ, „дичу“ (квашню), гдѣ прикрѣплены четыре зажженныхъ свѣчи, и ножъ, поднимаютъ дичу, ударяя ею въ потолокъ; при этомъ поютъ пѣсни во все время, пока не посадятъ всѣхъ остальныхъ калачей. Затѣмъ идутъ на токъ, несутъ ведро съ водой, тамъ, какъ-бы ни было холодно на дворѣ, моютъ руки, вытираютъ полотенцемъ и, при игрѣ музыки, пьютъ вино.

Въ воскресенье утромъ, принявши благословеніе отъ родныхъ, женихъ и невѣста, съ боярами и дружками, идутъ къ вѣнцу. Сзади идетъ свѣтилка, (обыкновенно сестра жениха) и несетъ „свитыло“,—шпагу, обвитую вокругъ вдвое сплетенной восковой свѣчой—въ ростъ жениха и невѣсты; свѣча обернута пучкомъ василекъ и зажжена сверху. Съ этимъ, никѣмъ необъяснимымъ приборомъ, стоятъ и въ церкви во время вѣнчанія.

Послѣ вѣнчанья идутъ къ роднымъ невѣсты, гдѣ на порогѣ дома, встрѣчаетъ ихъ отецъ съ хлѣбомъ—солью; вводитъ въ хату, проситъ за-столь и начинается обильное угощеніе виномъ.

Когда вечеромъ уѣдутъ въ домъ жениха, тамъ при входѣ во дворъ, молодымъ нужно переступить черезъ борону, политую водой; возлѣ самой хаты ставится „дича“ и на ней ведро съ водой; молодые должны обойти три раза ее, каждый разъ кланяясь во-всѣ стороны. Входятъ въ хату и начинается не гулянье, а неудержимый разгулъ, который длится до-ночи этого дня, весь день понедѣльника, вторника—до пятницы включительно; придумываютъ всевозможные случаи и способы, чтобы побольше и подольше попьанствовать: продаютъ батька съ матерью, выкупаютъ ихъ; наряжаются въ цыганъ, ходятъ по селу попрошайничаютъ на выпивку, снова пьютъ...

И это дѣлаютъ по поводу священнаго таинства брака! Вмѣсто того, чтобы идти съ новобрачными въ церковь, участвовать съ ними въ общей молитвѣ, шумная толпа дѣвокъ обыкновенно беспорядочной гурьбой окружаетъ ихъ, съ

такимъ-же шумомъ вваливается въ церковь; всѣ шепчутся, смѣются, волнуются... Послѣ вѣнца вмѣсто тихой, семейной радости о благословеніи церковнаго союза двухъ любящихъ существъ, цѣлдневная толкотня на глазахъ пьянаго, празднаго люда.

Что общаго во всѣхъ этихъ дикихъ, бессмысленныхъ церемоніяхъ съ тѣми обрядами, которыми въ церкви сопровождается таинство брака?

Брачующіеся обмѣниваются и благословляются кольцами въ знакъ вѣрности и ненарушимости брачнаго союза; имъ даются свѣчи въ знакъ радости и духовнаго торжества, такъ какъ союзъ ихъ благословляется во образъ духовнаго союза Христа съ церковью; на нихъ возлагаются вѣнцы, какъ награда, что они соблюли себя въ строгости и чистотѣ тѣлесной; они пьютъ изъ одной чаши вино, наглядно показывая этимъ, что всѣ радости и горе, всѣ трудности своей супружеской жизни; какъ чашу общую, они выпьютъ вмѣстѣ; при пѣніи торжественной церковной пѣсни, ихъ обводятъ вокругъ аналогія, подтверждая данное ими обѣщаніе въ вѣрности другъ другу.

И послѣ всѣхъ этихъ, проникнутыхъ глубокимъ содержаніемъ, обрядовъ церковныхъ, послѣ умиленныхъ молитвъ и торжественныхъ пѣснопѣній, допускаете вы пьянство, колдовство, всякія безобразія; онѣ не дополняютъ этого торжества, какъ думаете вы, а омрачаютъ и оскорбляютъ его.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Что намъ теперь дѣлать?

Служеніе пастырское, всегда высокое и отвѣтственное, требуетъ отъ посвятившихъ себя ему широкаго, серьезнаго образованія, непоколебимой преданности заповѣдямъ Христа, любви къ ближнему, яснаго пониманія совершающихся вокругъ него событій и насущныхъ интересовъ пасомыхъ. Берущій на себя это иго Христово ни на одну минуту не долженъ, не можетъ забывать, что онъ является пастыремъ душъ

человѣческихъ, что отъ него зависитъ не только благо земное, но и вѣчное спасеніе ввѣряемыхъ ему, по благодати Божіей, чадъ. Всмотритесь въ жизнь и спросите себя, къ кому направляются тысячи милліоновъ людей за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, за освященіемъ радостей земныхъ?—И старый и малый, и нищій и богатый, и больной и цвѣтущій здоровьемъ, и знатный и протестъ—все отъ колыбели и до гробовой доски, идутъ къ пастырю Церкви и несутъ ему явныя дѣла, тайныя помыслы, свои сомнѣнія, свои воздыханія,—несутъ *вся сокровенная* отъ другихъ и просятъ исцѣленія душъ своихъ отъ язвъ грѣховныхъ, наученія истиннаго въ путяхъ жизни, оправданія въ помыслахъ и дѣлахъ.

Есть-ли въ мірѣ другое какое-либо служеніе, подобное служенію пастыря Церкви?—*Вы есте свѣтъ міра...*, *вы есте соль земли* (Матѳ. 5, 4. 13), говоритъ Спаситель всѣмъ, принявшимъ на себя пастырское служеніе. И можетъ быть таковымъ только тотъ, кто къ пастырскому служенію готовится съ усердіемъ, въ ясномъ пониманіи высоты этого служенія и тяжкой отвѣтственности предъ Богомъ и людьми за жизнь ввѣренныхъ ему чадъ Божіихъ. *Иже еще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако чловѣки, мній наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Матѳ. 5, 19). Это сознаніе отвѣтственности искренно преданнаго своему высокому дѣлу пастыря, предостерегая отъ увлеченія временными и скоропреходящими благами земными, предостерегая отъ небреженія дѣломъ своей жизни, всегда способно воодушевить на подвигъ высокій, всегда даетъ необходимыя силы для нелицемѣрнаго служенія Христову стаду.

Но трудное и высокое всегда, налагающее на воспринимающихъ его весьма отвѣтственныя обязанности, пастырское служеніе въ иныя времена чловѣческой жизни является особенно труднымъ и особенно важнымъ и отвѣтственнымъ. Вѣдь жизнь чловѣческая—что море великое и глубокое. И въ ней по временамъ вздымаются громадныя волны, приобретающія нерѣдко силу немовѣрнаго разрушенія. Подъ ихъ разъяренными ударами падаютъ цѣлыя государства, ниспровергается все то, надъ чѣмъ чловѣчество или отдѣльный народъ цѣлые иногда вѣка трудились, что создавали въ

потѣ своего лица и за что приносили безмѣрныя жертвы. Это — волны страстей людскихъ, это — волны необузданныхъ мыслей, это — волны лжепривлекательныхъ иллюзій. Въ своемъ вѣчномъ исканіи правды и истины люди нерѣдко увлекаются кажущимся правдою и истиною до самозабвенія, въ своей погонѣ за счастьемъ часто принимаютъ за послѣднее простой, но красивый миражъ. Въ эти минуты все забывается; забывается то, во что еще недавно вѣрили, что любили, чѣмъ наслаждались, какъ благомъ. Но чаще всего въ такія времена опьянѣнія несбыточными мечтами забываются тѣ неизблемыя, вѣчныя истины и правда, то несомнѣнное счастье, которыя указаны человѣку въ богооткровенномъ ученіи, которыя однѣ необходимы для человѣка, но къ которымъ подойти можно только постепеннымъ, никогда неослабѣвающимъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ. Просвѣщенное западно-европейское человѣчество уже пережило не одно такое увлеченіе. Поля Франціи, Германіи и другихъ западно-европейскихъ государствъ обильно политы человѣческою кровію, еще обильнѣе смочены человѣческими слезами, а воздухъ неоднократно оглашался потрясающими криками торжествующей дикой, разъяренной толпы и проклятiями и стонами побѣжденныхъ и избиваемыхъ. И всѣ эти ужасы переживались только для того, чтобы еще лишній разъ убѣдиться въ неспособности мечтаній, въ торжествѣ человѣческаго эгоизма, произвола...

Вотъ въ такія-то времена особенно необходимы для массъ народныхъ просвѣщенные, глубокопреданные истинѣ Христовой, преисполненные истинной любви къ ближнему пастыри Церкви. Среди разъяренной толпы голосъ пастыря, преисполненный глубокаго уваженія, твердой вѣры, — пастыря, близкаго по своей жизни къ этой толпѣ, нерѣдко имѣлъ рѣшающее значеніе, нерѣдко останавливалъ готовящееся кровопролитіе и водворялъ миръ тамъ гдѣ его никто уже не ожидалъ. Но еще больше силы и значенія такой голосъ имѣеть въ тотъ подготовительный періодъ, въ который, обыкновенно, собирается весь необходимый матеріалъ для надвигающагося пожара, когда только-что начинается броженіе мысли, возбужденіе страстей; когда ослѣпленные мечтатели или сознательные обманщики пріучаютъ толпу вѣрить тому, что они

говорятъ, вѣрить въ то, что они несутъ своими ученіями и дѣяніями несомнѣнное счастье людямъ, водворяютъ несомнѣнную правду въ человѣческія отношенія. Въ это-то время для истиннаго пастыря Церкви, а не наемника, скрывающагося при видѣ нападающаго волка, и должно быть особенно много заботъ, труда. Къ нему,—именно къ нему первому, а не къ кому другому,—придутъ соблазняемые за разъясненіями и совѣтами; отъ него перваго надѣются—и должны—услышать всѣ приходящіе и не хотящіе прійти самыя энергичныя и въ то же время преисполненныя любви предостереженія. И великъ въ своемъ дѣлѣ будетъ тотъ пастырь, который во-время предупредитъ, и котораго чада въ наступившую непогоду и безвременье окажутся надлежаще подготовленными для оцѣнки совершающихся событій! Напротивъ, горе тому изъ нихъ, который, оберегая свой покой, уподобится наемнику: возбужденная пришельцами учителями „отъ иного двора“, паства его въ своемъ ослѣпленіи и темнотѣ почтетъ его первымъ виновникомъ всѣхъ своихъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ бѣдъ, и страстный гнѣвъ ея скорѣе всего падетъ на голову такого нерадиваго пастыря-наемника.

Мы переживаемъ тяжелыя времена. Изъ далекой окраины русской несутся къ намъ грома пушекъ и стоны раненыхъ и умирающихъ нашихъ братій, жизнь свою полагающихъ за честь и интересы великаго нашего отечества. Вынужденная къ войнѣ тяжелой, необыкновенно кровопролитной, наша святая Русь шлетъ на Дальній Востокъ волну за волной свои храбрыя, доблестныя войска. Когда положенъ будетъ предѣлъ этой войнѣ, одному Богу извѣстно. Но нестрашны намъ войны съ врагами внѣшними,—не одинъ уже такой врагъ испытывалъ на себѣ мощь русскаго народа. Болѣе опасны для насъ враги внутренніе, принявшіе на себя, къ тому же, личину друзей, благодѣтелей народа и вообще меньшаго русскаго брата. У всѣхъ еще слишкомъ свѣжи въ памяти недавнія печальныя извѣстія изъ столицы и разныхъ городовъ о нарушеніяхъ порядка и мирной жизни, о кровавыхъ столновеніяхъ, о злодѣйствахъ начавшей было буйствовать толпы. Откуда все это? что означаетъ? чего слѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ ожидать?—одинъ за другимъ возникаютъ вопросы

и глубокою скорбію наполняютъ наши сердца.—Очевидно, и къ намъ стучатся непрощенные мнимые цѣлители народныхъ бѣдъ, безумные благоустроители народныхъ сѣдебъ, фанатики ножа и крови, какъ единственныхъ цѣлесообразныхъ, по ихъ мнѣнію, средствъ для благоустроенія жизни людской. Уже жертвы на алтарь ихъ кровавый принесены; уже пролилась кровь русская за давно міру извѣстные свободу, братство и равенство. Уже возрадовались всѣ враги Россіи—и внутренніе и внѣшніе—грозно надвигающемуся горю русскому. Ликуютъ живущіе изъ нихъ среди насъ, видя въ современныхъ событіяхъ начало „новой эры“, но не видя,—или, лучше, не желая изъ-за своихъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ видѣть,—что эта „новая эра“ жизни какъ будто не-во-время думаетъ наступить. Радуются наши любители новшествъ наступленію „весны“ въ русской жизни,—радуются и нисколько не думаютъ, что весна всегда несетъ съ собою прежде всего много-много горя, а для неразумныхъ, непредусмотрительныхъ и неприготовленныхъ жителей и ихъ полей много-много разрушенія и даже полнѣйшаго разоренія, нисколько не возстаиваемаго ни вновь народившеюся зеленью, ни слѣдующимъ за весною лѣтомъ. Ликуютъ наши заграничные враги, не безъ основанія надѣясь, что русская „весна“ для нихъ будетъ особенно полезна, потому что Россія, какъ они надѣются, разорится, политически обезсилѣетъ и будетъ охвачена вся смутами и междоусобіями. Но напрасны, быть можетъ, и преждевременныликованія и надежды враговъ Россіи. Недавно совершившееся въ столицѣ и другихъ городахъ вѣдъ создано на почвѣ обмана, подмѣна явныхъ цѣлей тайными. И милость Божія, надѣмся, не оставитъ насъ нынѣ, какъ она не оставляла и раньше, во времена другихъ жестокихъ испытаній. И все, что теперь наполняетъ наши сердца великою горестью,—все это исчезнетъ само собою при мудромъ и любвеобильномъ направленіи нашей общественно-политической жизни съ высоты царскаго трона.

Но къ сожалѣнію, горе Русской земли заключается не въ одной только происшедшей вспышкѣ народныхъ страстей. Горе великое заключается въ томъ, что врагами нашего мирнаго, основаннаго на нашихъ историческихъ началахъ, раз-

витія давно уже сѣется смута въ умахъ молодежи, возбуждаются подъ тѣми или другими прикрытіями распри между различными народностями, входящими въ составъ Русской державы, сѣется человѣконеапатриотичество, и воспитывается въ обществѣ служеніе однимъ только эгоистическимъ наклонностямъ и матеріальнымъ потребностямъ жизни. Вслушайтесь повнимательнѣе въ то, чему учитъ современная намъ русская литература. Здѣсь мы встрѣтимъ и проповѣдь рѣшительнаго атеизма и нравственной разнуздачности, и насмѣлку надъ всѣмъ святымъ, и отреченіе отъ науки и искусства, — встрѣтимъ, наконецъ, беззащитное описаніе и идеализированіе порока. Плоды такого направленія литературы уже есть, и — что особенно печально — они чаще всего сказываются на жизни нашей молодежи, замѣтно теряющей постепенно всю прелесть душевной свѣжести, все возвышенное, чистое, благородное и постепенно нисходящее на ступень самаго удобнаго, по своему легковѣрію и безпринципной податливости, матеріала для всякаго рода ловкихъ дѣльцовъ, научившихся уже давно изъ-за спины другихъ производить разнаго рода политическіе опыты.

Не дрогнула рука, не заговорила совѣсть въ нашихъ проповѣдникахъ „новой эры“, въ нашихъ созидателяхъ „русской весны“, когда они свои мутныя, тлетворныя ученія вздумали направить въ массу народную. Въмъ въ настоящее время извѣстно, что непрощенные радѣтели народнаго блага, даже нерѣдко совершенно чуждые народу по происхожденію, за послѣднія десятилѣтія дѣлаютъ все, чтобы, какъ они выражаются, „пріобщить и простой народъ“, — конечно, въ качествѣ такого же удобнаго матеріала, какъ и молодежь образованныхъ классовъ, — къ дѣлу обновленія и устройства русской политической и общественной жизни на началахъ западно-европейскихъ, якобы наиболѣе и единственно справедливыхъ. Развѣ наши села, деревни, фабрики, заводы не переполнены грубыми, циническими, чаще всего безграмотными „воззваніями“? Развѣ не было и нѣтъ усилій и народную школу — *народную начальную школу* сдѣлать среди простыхъ людей такимъ же очагомъ разнообразной противоправительственной и противообщественной пропаганды, какими сдѣлались наши

высшія и отчасти среднія учебныя заведенія? Развѣ не извѣстно, что устроители нашего возрожденія усердно—и, къ сожалѣнію, далеко не безуспѣшно—пользовались и пользуются всякими религіозными движеніями въ народѣ, недомыслиемъ его, чтобы только, съ одной стороны, поколебать важнѣйшіе устои нашей исторической жизни, и съ другой—вмѣсто нихъ подставить новые, черѣдко измышляемые людьми въ періодъ ихъ сладостнаго покоя на лаврахъ общепризнаннаго великаго человѣка и такого же моралиста?

Вотъ гдѣ главнѣйшее горе нашей жизни. Все остальное—отпрыскъ этого зла, созданіе его. Но гдѣ силы, способныя противодѣйствовать развивающемуся среди насъ злу?—Мы не обинуясь должны сказать, что эти силы—въ нашемъ православнои пастырствѣ. Мало этого,—борьба съ распространяющимся зломъ—главнѣйшая обязанность современнаго русскаго пастырства. Вѣдь сущность зла, какія бы формы оно въ своемъ развитіи ни принимало, заключается въ отверженіи ученія Христова, въ открытой и тайной борьбѣ съ Православною Церковію и ея ученіемъ. Вѣдь проповѣдь современныхъ, имѣющихъ будто бы осчастливить народъ русскій, учений направлена на возбужденіе страстей народныхъ, на колебаніе нравственныхъ устоевъ истинно-христіанской жизни. Сколько бы наши радѣтели „весны“ ни твердили намъ о томъ, что вся ихъ работа и всѣ ихъ положенія направлены въ сторону дѣйствительныхъ усовершенствованій нашей жизни, что они стремятся удовлетворить неотвратимому закону жизни—закону совершенствованія, провозглашенному для людей всѣхъ временъ и національностей Спасителемъ міра,—сколько бы они насъ ни убѣждали въ этомъ разнаго рода хитросплетенными доводами, мы не можемъ забыть дѣйствительнаго ученія Христова, требующаго отъ человѣка и человѣчества совершенствованія внутренняго, свободнаго, на началахъ любви къ Богу и ближнимъ, указывающаго при этомъ, что царствіе Божіе—внутри самаго человѣка, что поднявшіе мечъ отъ меча и погибнуть. Сколько бы насъ ни убѣждали наши непризванные „усовершенители“ въ томъ, что въ совершающемся у насъ теперь на Руси, въ той явпой, а больше тайной работѣ для обновленія Россіи, которая готовитъ намъ „весну“, ска-

зывается общій, неизбѣжный законъ историческаго развитія народовъ,—сколько бы ни убѣждали насъ въ этомъ, предъ нами неотступно и необыкновенно ярко вырисовываются кровавые призраки тѣхъ знаменъ, на которыхъ было дерзновенной рукой и гордымъ умомъ начертано: „свобода, братство и равенство“, но которыя привели только къ тому, что какъ создательница этихъ знаменъ, Франція, такъ и вся Европа покрылась милліонами труповъ человѣческихъ, знамена эти взамѣнъ неисчислимыхъ жертвъ человѣческихъ рѣшительно ничего не дали дѣйствительно улучшающаго жизнь человѣческую, приближающаго человѣка къ истинному счастью. Мы не можемъ обольщаться красивыми рѣчами объ успѣхахъ жизни на западѣ, о томъ правовомъ порядкѣ, которымъ наслаждаются народы вообще и каждый человѣкъ въ отдѣльности,—не можемъ, прежде всего, потому, что, если и существуютъ лучшія фонари жизни на западѣ, то источниковъ—вовсе не въ устроявшихся различными народами время отъ времени самоизбѣненіяхъ, а въ томъ внутреннемъ спокойномъ развитіи жизни и дѣятельности человѣческаго духа, которое медленно и безъ грома, но вѣрно въ концѣ концовъ ведетъ человѣка къ высшему и лучшему; а затѣмъ и потому, что не видимъ особенно прочныхъ основъ восхваляемыхъ нашими раболѣпствующими поклонниками запада матеріальныхъ успѣховъ и правовыхъ началъ въ жизни западно-европейскихъ народовъ, такъ какъ, отвергшіе въ большинствѣ случаевъ ученіе Христово, какъ основу своей жизни, они поставили себя въ такое же положеніе въ какомъ находился древній языческій міръ. Если же провозвѣстники нашей „весны“ и вся ихъ работа надъ населеніемъ неизбѣжно ведутъ къ потрясенію основъ нашей духовной и политической жизни, ведутъ къ тому, о чемъ возвѣстили уже первые ласточки нашей „весны“ въ столицѣ и другихъ городахъ, то не священна ли обязанность всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ ближе всего къ народу, предохранять народъ всѣми мѣрами, въ особенности же наставленіемъ, вразумленіемъ, отъ тлетворныхъ ученій?

Но кто же ближе всѣхъ стоитъ къ нашему народу, какъ не наши православные пастыри? Вѣдь они всю свою историческую жизнь провели въ самой тѣсной, неразрывной связи

съ народомъ: съ нимъ горе горевали и радости жизни дѣлили; съ нимъ, нашимъ народомъ, они монгольское иго пережили; съ нимъ они созидали Русскую землю и Москву укрѣпляли, съ нимъ великую смуту на Руси пережили; съ нимъ же въ теченіе вѣковъ отбивались отъ польщины и латинства; вмѣстѣ они съ народомъ остались и тогда, когда сильною рукою Петра оторвалась отъ общаго корня русскаго небольшая кучка людей, скоро и исключительно обратившая свои взоры на западъ, забывшая про свой корень и даже гордо мечтавшая, не спрашивая народа, не разъ различными путями облагодѣтельствовать его. Да, все у православнаго пастыря и православнаго русскаго народа до самыхъ послѣднихъ временъ было и есть общее. Вотъ почему они такъ хорошо и такъ легко понимали и понимаютъ еще, слава Богу, другъ друга. Вотъ почему во всѣ времена голосу пастыря пасомые всегда внимали не только съ довѣріемъ, но и съ умиленіемъ, и не разъ Русская земля выходила изъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ, только благодаря живому, всецѣло основанному на Христовомъ ученіи, участію православнаго пастырства въ жизни народной и энергичному руководствованію этою жизнію.

Современныя намъ событія тяжелы во всѣхъ отношеніяхъ. Грядущее пока мало обѣщаетъ лучшаго. Намъ приходится переживать смуты во всѣхъ областяхъ нашей жизни, особенно же смуты въ умахъ. Пусть же наше православное пастырство, уяснивши возможно всесторонне сущность, смыслъ совершающагося, направить свои могучія средства на сохраненіе народа отъ все болѣе и болѣе развивающейся заразы лжеученіями, которая разнообразными путями проникаетъ въ жизнь народную.

М. Гильгушевъ.

(Руков. для с. п.)

Письма къ сельскому священнику.

(О родной школѣ).

Письмо I.

Даво мнѣ хотѣлось подѣлиться съ тобой, дорогой собратъ, своимъ размышленіемъ о нашей, близкой сердцу духовнаго пастыря, церковной школѣ.

Необходимость образования нашего меньшаго брата простолюдина теперь не только внѣ всякихъ споровъ, но и сомнѣній; и намъ, сельскимъ пастырямъ, близко стоящимъ къ простому народу, для выполнения своего пастырскаго долга, нужно съ любовію браться за святое дѣло народнаго образованія, ибо и цѣль нашего служенія состоитъ въ томъ, что-бы „учити отроковъ, читая имъ божественное писаніе (10 пр. VII Всел. соб.), а знаменательныя слова Державнаго нашего Государя: „надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“, обращенныя къ пастырямъ, еще болѣе ревностно побуждаютъ насъ исполнить свой пастырскій долгъ.

Облеченные довѣріемъ Государя нашего, мы и должны оправдать его надежды; свято помня свой долгъ, должны „воспитать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, вселить въ сердца ихъ любовь къ святой церкви и преданность Царю и Отечеству“. *) Трудное и отвѣтственное дѣло возложено на насъ; нужно много труда и опыта, чтобы съ успѣхомъ выполнить его. Но, при глубокомъ сознаніи своего долга, при искренней любви къ своему меньшему брату-простолюдину, святое дѣло-образованія народа, Богъ дастъ, пойдетъ далеко.

Исходя изъ той мысли, что ex contrariis venit cognoscitur, я осмѣливаюсь въ письмѣ своемъ къ тебѣ, дорогой собратъ, высказать свое мнѣніе, касающееся преподаванія главнаго предмета нашей школы—Закона Божія: это размышленіе, конечно, во многомъ не ново, и могло быть высказано полнѣе законоучителями, болѣе моего опытными; но при на-

*) Программа Церковно-приходскихъ школъ, стр. 1).

шемъ общемъ сознаниі необходимости поставить преподаваніе Закона Божія на возможно высшую ступень, я осмѣливаюсь высказать свое убѣжденіе, которое происходитъ отъ искренняго желанія добра. Вѣра въ это добро поддерживаетъ меня и даетъ мнѣ смѣлость свое сужденіе имѣть“.

Программа для церковно-приходскихъ школъ ясно гласитъ, что „дѣти воспримуть преподаанные имъ уроки не умомъ только, а и сердцемъ, и всею душою, съ любовію и благоговѣніемъ, какъ премудрость, яже свыше (Іак. 3, 17), какъ путеводныя начала и правила для всей послѣдующей ихъ жизни“. На дѣлѣ-же, прости, дорогой собратъ, за откровенность, замѣчается иное: дѣти исправно, во многихъ школахъ даже и очень, воспринимаютъ преподаанные имъ уроки умомъ, но сердце „далечеотстоитъ отъ помысленій ихъ.“ Столь печальное явленіе въ нашей школѣ всегда было и будетъ, пока мы, пастыри, дорогой собратъ, не убѣдимъ себя самихъ въ той непреложной истинѣ, что сердце находитъ себѣ просторъ и откликъ тамъ, гдѣ самое ученіе исходитъ отъ сердца. Думается мнѣ, что у насъ-пастырей, не хватаетъ сердечности и искренней любви къ школъ. Бѣда наша, мнѣ кажется, въ томъ, что мы больше упражняемъ умъ, ввѣренныхъ намъ малышей, чѣмъ сердце и волю. Ты скажешь, дорогой собратъ, что я ошибаюсь; но позволь же доказать тебѣ правоту моихъ размышленій дѣйствительностію.

Три года сряду я имѣлъ счастье состоять членомъ экзаменационной комиссіи въ двухъ школахъ нашего уѣзда, и любимыми моими вопросами, которые я считаю и главными по Закону Божьему были: какой ты вѣры мальчикъ? и умѣешь ли ты молиться Богу? Къ великому моему прискорбію ни разу не удавалось мнѣ слышать отъ оканчивающихъ дѣтей желаннаго отвѣта. Большаго труда стоило привести мальчика къ знанію, что онъ православный христіанинъ, и что молитву училъ онъ не для школы, а для жизни; что не только нужно знать молитву, но нужно—главное умѣть и Богу молиться. На мое предложеніе мальчику:—помолись Богу такъ, какъ тебя въ школѣ научили, мальчикъ, послѣ долгаго колыбанія, начиналъ читать, сперва очень медленно, а затѣмъ и быстрѣе, зазубренными имъ молитвы, не придер-

живаясь порядка, а произнося молитвы одну за другой, какія ему скорѣе приходили на память. Очевидно было, что это не молитва, такъ какъ молитвеннаго чувства и послѣдовательности, при чтеніи заученныхъ молитвъ, не было. Когда же я спрашивалъ мальчиковъ читать молитву Св. Духу и Символь вѣры, то каждый читалъ бойко; видно было, что всѣ помнятъ заученное. Вотъ тебѣ, дорогой собратъ, и дѣйствительность. Не сгущая красокъ, пишу тебѣ о томъ, что такъ близко насъ касается, и, руководясь единственною цѣлю—желаніемъ добра—откровенно скажу тебѣ, что наша школа все еще учитъ, а не воспитываетъ; все еще многіе изъ насъ стремятся дать красивую вывѣску своей школѣ; спѣшать напитать дѣтей „горячей пищей“, а недуховной—млеко́мъ слова Божія.

Учить дитя вѣрѣ, писалъ Высокопреосвященный вятскій Аполлосъ къ сопастырямъ—приходскимъ священникамъ, не значить, что-бы заставлятъ его заучивать на память заповѣди Божіи или символъ вѣры. Нужно говорить съ дѣтьми о вѣрѣ, какъ о предметѣ ежедневной жизни, который нуженъ на каждомъ шагу“. Думается мнѣ, что если мы, дорогой собратъ, свято исполняя свой пастырскій долгъ, сердечно и съ искреннею любовію будетъ чаще говорить дѣтямъ о вѣрѣ, какъ о предметѣ ежедневной жизни, который нуженъ на каждомъ шагу, то тогда дѣти воспримутъ преподанное имъ ученіе не умомъ только, а и сердцемъ, и всею душою, съ любовію и благоговѣніемъ какъ премудрость, яже свыше (Іак. 3, 17), какъ путеводныя начала и правила для всей послѣдующей жизни; тогда, можно сказать, будетъ выполнена главная задача нашей школы.

Припомнился мнѣ чудный примѣръ Протоіерея Евфімія Остромысленскаго, приведенный имъ въ доказательство того, что иное дѣло учить, иное дѣло воспитывать.

Одна простая женщина, шерстомойка, благодарила проповѣдника, что онъ своею проповѣдію возбудилъ въ ея сердцѣ раскаяніе и исправилъ ея поведеніе.—Проповѣдникъ спросилъее: чѣмъ-же особенно, какою мыслию она тронулась? что она помнить и знаетъ изъ его проповѣди?—Вотъ обыкновен-

ный вопрос школьного учителя! — „Не помню“, отвечает женщина, и не могу растолковать тебе: я неученая. Но только так говорил ты трогательно, что я тогда-же залилась слезами, и рѣшилась исправить себя“.

Такова сила искренняго и сердечнаго слова! — „Да какъ же ты“, продолжаетъ проповѣдникъ, „могла тронуться моею проповѣдію, а ничего не знаешь изъ ней?“ — „Я думаю“, отвѣчала женщина, „что съ моею душею было то-же, что вотъ съ этой шерстью, которую я вымыла. Вотъ видишь-ли, она теперь бѣла и чиста, хотя той воды, которою она вымыта, не осталось на ней ни капли“.

Сколь искренно и сердечно было слово проповѣдника, сказанное для воспитанія сердца и воли слушающихъ, что такъ сильно подѣйствовало на простую, неученую женщину, — шерстомойку. Значить, дорогой собратъ, если больше сердечности и искренности внесемъ въ нашу родную школу; внушимъ дѣтямъ сознаніе, что они православныехристиане; уяснимъ дѣтямъ, что нужно не только знать молитву, но-главное-нужно умѣть молиться; вселимъ въ ихъ юныхъ сердцахъ любовь къ церкви, преданность Царю и Отечеству, тогда мы, исполнивъ свой пастырскій долгъ, оправдаемъ то высокое довѣріе нашего Вѣнценосца, какимъ мы, пастыри облечены.

Свящ. Н. Власовъ.

Дим. Ив. Иловайскій

о Земскомъ Соборѣ на Руси.

Авторъ, по его словамъ, — занятый печатаніемъ своего главнаго труда, *Исторіи Россіи*, т. V-й, и стѣсненный временемъ, не думалъ до его окончанія приниматься за „вопросъ о Земскомъ Соборѣ“; но современныя историческія обстоятельства сложились такъ, что неотступно требуютъ отъ всякаго вѣрноподданнаго, сколько-нибудь опытнаго въ политическихъ вопросахъ, немедля подать свой голосъ и прямо, не кривя душой, отвѣтить какъ на Высочайшій указъ 12 Декабря, такъ

и на требованіе возлюбленнаго Монарха, чтобы русская печать говорила правду, и только правду.

Вотъ почему авторъ разсматриваетъ поднятый въ послѣднее время этотъ важный вопросъ—объ улучшеніи въ нашей правительственной организаціи. Онъ считаетъ себя консерваторомъ, но умѣреннымъ, т.-е. такимъ, который признаетъ неотложность назрѣвшихъ реформъ—разумѣется, такихъ реформъ, которыя не только не нарушили бы основнаго государственнаго строя, а напротивъ, укрѣпили бы его и согласовали бы съ неотразимымъ ходомъ исторіи.

Затѣмъ, какъ убѣжденный строгій націоналистъ, онъ признаетъ цѣлесообразными реформы только съ такимъ національнымъ характеромъ, который долженъ поднять русскій духъ, пробудить наше дремлющее національное сознаніе и водворить тѣсное единеніе Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ, поборовъ сильное препятствіе, создавшееся въ видѣ широкаго бюрократическаго средостѣнія. Вообще, явный недостатокъ націонализма въ интеллигентныхъ и бюрократическихъ сферахъ онъ считаетъ главнымъ источникомъ нашихъ бѣдствій, внѣшнихъ и внутреннихъ.

Агитація въ пользу Земскаго Собора или Великой Земской Думы возникла у насъ чисто газетнымъ путемъ. Ее подняли преимущественно легкомысленные петербургскіе газетчики (въ родѣ г. Суворина), которые стали увѣрять читающую публику, что надобно созвать Соборъ немедленно и что онъ явится какою-то чудодѣйственною силою, едва ли не противъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, въ томъ числѣ противъ военныхъ неудачъ и ради заключенія мира. Разумѣется, большинство публики, столь же мало компетентное въ политическихъ вопросахъ, повѣрило, и вотъ идея сія уже успѣла приобрести характеръ какой-то эпидеміи, къ вящему увеличенію умственнаго сумбура. При этомъ ни газетчики, ни публика не отдають себѣ яснаго отчета, или просто не вѣдаютъ, ради какихъ задачъ созывался древне-русскій Земскій Соборъ, какой былъ его составъ и какое мѣсто онъ занималъ среди государственныхъ учрежденій древней Руси.

Здѣсь не мѣсто и не время писать, собственно, исторію Соборовъ, откуда они возникли и какъ развивались. Любопытствующихъ отсылаю къ историческимъ сочиненіямъ, между прочимъ, и къ моей *Исторіи Россіи*, т. III и IV (а также имѣющей скоро выйти V-й), гдѣ въ примѣчаніяхъ указана и литература предмета. Приведу только главныя черты и выводы; приче́мъ не буду говорить о времени Смутномъ или безгосударственномъ, когда Великая Земская Дума явилась, такъ сказать, временнымъ правительствомъ, избрала царя и потомъ помогла ему возстановить государственный порядокъ и умиротворить Русскую землю. Буду говорить о соборахъ, созываемыхъ самими московскими государями.

Во первыхъ, великая Земская Дума созывалась для обсужденія какого-либо важнаго вопроса, важнаго предпріятія или для болѣе удобнаго выполненія какой-либо законодательной мѣры. Созывать Соборъ во время войны, чтобы разсуждать о ея продолженіи или о мирѣ, было не въ обычаѣ, да оно и естественно: разъ война началась,—тутъ уже поздно толковать, нужна ли она, а надо во что бы ни стало дѣйствовать энергично и доводить ее до конца. Мы знаемъ только одинъ историческій примѣръ Земскаго Собора во время войны. Именно, въ 1566 г. Иванъ Грозный созвалъ его по вопросу: продолжать ли войну съ Поляками за Ливонію, или заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ королемъ? Но въ сущности сей Соборъ не былъ свободенъ въ своемъ мнѣніи и созванъ былъ для того, чтобы одобрить войну, которая съ перерывами длилась уже около шести лѣтъ и была довольно удачна; а потомъ продолжалась съ перерывами еще не менѣе пятнадцати, но уже при бѣдственномъ для насъ оборотѣ. Въ наше время такая продолжительность немыслима. Аналогичный съ настоящимъ моментомъ случай произошелъ въ 1642 году. Донцы взяли у Турокъ Азовъ и били имъ челомъ государю. Михаилъ Федоровичъ созвалъ Великую Земскую Думу и спрашивалъ ея совѣта: принимать ли Азовъ, ибо въ такомъ случаѣ предстоитъ война съ Турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ? Служилые люди изъявили готовность биться съ мусульманами, если государь укажетъ; но общее настроеніе было не въ пользу войны съ могущественной тогда Оттоманской имперіей.

нашихъ экономическихъ недостаткахъ. Правительство отказалось отъ Азова, и поступило благоразумно: государство избѣжало несвоевременной разорительной войны, Азовъ же потомъ отъ насъ не ушелъ.

Вотъ если бы во время Китайско-Японской войны Петербургъ спросилъ коренныхъ русскихъ людей: вмѣшиваться ли въ сію войну въ пользу Китая противъ Японіи, а затѣмъ двигаться ли намъ на Дальній Востокъ для отнятія у Китайцевъ (за которыхъ мы только что заступались) Квантуна съ Портъ-Артуромъ и для постройки двухтысячеверстной желѣзной дороги по чужой территоріи? тогда была бы, повторяю, аналогія съ Соборомъ 1642 года. Но, какъ извѣстно, вопросъ былъ рѣшенъ бюрократическимъ путемъ, при явномъ увлеченіи симъ Востокомъ со стороны покойнаго министра Иностранныхъ Дѣлъ гр. Муравьева и бывшаго министра Финансовъ С. Ю. Витте, падшихся коварнымъ внушеніямъ изъ Берлина. Извѣстны и бѣдственные результаты такого рѣшенія.

Второй подобный примѣръ представляетъ Земской Соборъ, созванный Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1653 г. по вопросу о челобитѣ Малороссійскаго казачества: освободить его отъ Польскаго ига и принять въ Московское подданство. Соборъ безъ возраженій подтвердилъ уже состоявшееся на этотъ счетъ рѣшеніе государя. Рѣшеніе сіе увѣнчалось успѣхомъ, и война съ поляками была побѣдоносна. Но бюрократическое начало не позволило довести войну до надлежащаго конца, возсоединить и Малую, и Бѣлую Россію съ Великой. Коварное обѣщаніе Польской короны, съ помощью дипломатическаго воздѣйствія Австріи, отклонило царя Алексѣя отъ прямого пути. Не спрашивая Земскаго совѣта, а руководясь только ближними совѣтниками, онъ прекратилъ борьбу съ Польшою и началъ несвоевременную войну со Швеціей. Такой малообдуманый поворотъ имѣлъ извѣстные и печальныя послѣдствія. Конечно. Петръ Великій потомъ исправилъ отцовскую ошибку и завоевалъ Балтійскіе берега, при чемъ не созывалъ никакаго Земскаго Собора. Но времена и условія были другія; да и личность была гениальная, мастерски умѣвшая разобратъ въ политическихъ обстоятельствахъ своего времени.

Наиболѣе выдающійся примѣръ законодательной дѣятель-

ности представляеть Земскій Соборъ 1649 г., созданный для рассмотрѣнія и утвержденія Уложенной книги или новаго свода законовъ. Эта книга была заранѣе приготовлена особой комиссіей; а на Соборѣ она подвергалась довольно тщательному просмотру и дополненію со стороны выборныхъ людей; послѣ чего получила государеву санкцію. Насколько вообще дѣло было сдѣлано прочно и основательно, показываетъ долгое существованіе или точнѣе дѣйствіе на Руси Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича. На примѣрѣ 1649 года яснѣе всего можно наблюдать совѣщательный характеръ и сословный составъ древнерусскаго Земскаго Собора. Въ этотъ составъ входили: во-первыхъ, Боярская Дума; во вторыхъ, духовныя власти или Освященный Соборъ, съ патріархомъ во главѣ; въ-третьихъ, выборные разныхъ чиновъ люди или, собственно, представители сословій служилаго и торгово-промышленнаго. Боярская Дума вмѣстѣ съ Освященнымъ Соборомъ составляли родъ Верхней палаты, въ которой предсѣдательствовалъ самъ государь; а выборные люди изображали родъ Нижней палаты, въ которой предсѣдательствовалъ назначенный государемъ бояринъ (въ данномъ случаѣ кн. Ю. А. Долгорукій). Тутъ мнѣнія отбирались по сословнымъ статьямъ или группамъ и подавались на письмѣ; для записыванія ихъ при всякой группѣ состоялъ особый дьякъ съ подъячими. Подавались и такъ называемыя особыя мнѣнія. Число выборныхъ людей на Соборѣ 1642 года было около 200, т.-е. кромѣ Освященнаго Собора и Боярской Думы; а огромный свитокъ Уложенія 1649 года на оборотѣ скрѣпленъ подписями боярства, духовенства и выборныхъ людей, въ количествѣ болѣе 300; изъ нихъ членовъ первыхъ двухъ, т.-е. Боярской Думы и Освященнаго Собора, по этимъ подписямъ насчитывается до 40. Что касается самихъ выборовъ, то относительно они были свободны; правительство не имѣло особой нужды въ подборѣ, ибо партій въ нашемъ смыслѣ не было; какая-либо оппозиціонная клика не могла и существовать при строгой государственной дисциплинѣ того времени. Но, въ случаѣ усмотрѣнія, по нѣкоторымъ признакамъ можно предположить, что правительственные органы, воеводы и губные старосты, не затруднялись прямо указывать на желатель-

ныхъ депутатовъ, и тѣмъ болѣе, что изъ Москвы обыкновенно наказывалось прислать выборнымъ „человѣка добра и смышлена, кому бѣ государевы и земскія дѣла за обычай“. Относительно взаимнаго антагонизма сословій нельзя сказать, чтобы его не было; такъ служилые и торговые люди при случаѣ въ особенности высказывались противъ приказныхъ людей, олицетворявшихъ собой „Московскую волокиту“, т.-е. въ сущности противъ бюрократіи того времени.

Итакъ, напрасно наши газетчики выражаются въ такомъ смыслѣ, какъ будто Земскій Соборъ состоялъ только изъ выборныхъ людей. Нѣтъ, въ составъ его входили два высшихъ правительственныхъ учрежденія, и не только входили, но во всѣмъ признакамъ играли руководящую роль. А затѣмъ чисто совѣщательный его характеръ, т. е. только подача мнѣній, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но существенное его значеніе заключалось въ томъ, что какой-либо важный государственный вопросъ разсматривался и освѣщался съ разныхъ сторонъ, и правительство, искренне заботившееся о народномъ благѣ, конечно, пользовалось такимъ освѣщеніемъ при своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Возможенъ ли и нуженъ ли Соборъ въ наше время?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать и да, и нѣтъ, смотря по тому, въ какомъ видѣ его созывать.

Въ наше время въ печати, въ обществѣ, въ дипломатіи, особенно иностранной, рѣдко идетъ рѣчь объ единомъ Русскомъ народѣ, а чаще о народахъ, населяющихъ Россійскую имперію. Почти весь Петербургскій періодъ Русской исторіи направлялся въ эту сторону; правительственныя сферы, болѣе и болѣе проникавшіяся инородческими элементами, выдвигали инородческія окраины и уравнивали ихъ съ коренной Россіей, постоянно провозглашая теорію равнаго подданства. Исторія нигдѣ не представляетъ намъ примѣровъ, чтобы такъ легко покоренные инородцы получали равныя гражданскія права съ кореннымъ народомъ-завоевателемъ. Но и равноправія оказалось мало; нѣкоторыя инородческія окраины были постановлены въ привилегированное положеніе по отношенію къ центру государства; таковы Финляндія, бывшее Царство Польское и отчасти Балтійскія провинціи, т.-е. покоренные

Шведы, Поляки и Нѣмцы. Подобные другіе примѣры и въ такихъ широкихъ размѣрахъ окончательно немыслимы во Всемирной исторіи. Результаты такого антинаціональнаго направленія у насъ на лицо: окраины, особенно западныя и южныя, стали жирѣть на счетъ Русскаго центра, который явно захирѣлъ; развитіе русскаго національнаго чувства систематически подрывалось и въ концѣ концовъ подверглось крушенію. Нагляднымъ доказательствомъ тому служить огромное большинство нашей интеллигенціи и бюрократіи, поскольку оно высказывается въ верхнихъ слояхъ чиновничества, въ печати, университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а отсюда и въ обществѣ. Какія-либо личныя или отдѣльныя проявленія русскаго націонализма стали подвергаться не только обвиненію въ отсталости и некультурности, но и прямо травлѣ со стороны радикальныхъ и еврейскихъ органовъ печати. И это въ то время, когда въ передовыхъ культурныхъ странахъ національное чувство достигало своего высшаго развитія и все другое приносилось ему въ жертву! Въ концѣ концовъ истинные русскіе интересы отошли на задній планъ и стали уступать мѣсто интересамъ инородческимъ и даже иностраннымъ.

При такихъ условіяхъ созывать на Земскій Соборъ представителей земли безъ различія народности значило бы создавать у насъ подобіе Австрійскаго парламента, въ которомъ мы видимъ ожесточенную борьбу разныхъ національностей, борьбу, доходящую до возмутительныхъ скандальныхъ сценъ. Необходимо принять въ расчетъ, что выборные изъ инородцевъ стали бы единодушно дѣйствовать противъ русскихъ интересовъ; а такъ какъ и среди собственно русскихъ членовъ Собора непременно окажется немало антинаціоналовъ или отщепенцевъ, которые примкнуть въ инородцамъ, то на ихъ сторонѣ получится большинство. Да не забудьте о той сильной поддержкѣ, которую будутъ имъ оказывать многочисленные на Руси радикальные и антинаціональные органы печати и наша сбитая съ толку молодежь, воспитанная въ духѣ космополитизма и дошедшая до забастовокъ отъ высшаго образованія! Можно себѣ вообразить, что наболтаетъ и какую смуту въ умахъ произведетъ такой Земскій Соборъ, и какъ

онъ подвинетъ впередъ революціонное движеніе! Вообще, это будетъ пародія на древнерусскую Великую Земскую Думу.

Теперь, понятно, что если вы хотите созвать настоящій русскій Соборъ, т.-е. въ истинномъ его смыслѣ и по образцу старыхъ Соборовъ, то и созывайте его такимъ, какимъ онъ былъ. Никакіе иновѣрцы въ немъ не участвовали. Слѣдовательно, созывайте только православныхъ и притомъ изъ губерній собственно русскихъ. Православіе есть главный признакъ коренной Русской народности. Осуществите хотя въ этомъ случаѣ тотъ девизъ, который давно у насъ повторяется на словахъ, а на дѣлѣ представлялъ фикцію, т.-е.: православіе, самодержавіе и народность. Православіе и русская народность, при вышеуказанномъ антинаціональномъ направленіи петербургскихъ сферъ, если и представляли господствующій въ населеніи элементъ, то развѣ только въ количественномъ отношеніи.

Итакъ, во-первыхъ, выборные люди, исключительно православные, и только отъ русскихъ губерній; при чемъ выборщики, назначенные по церковнымъ приходамъ или благочиніямъ, собираются въ губернскомъ Соборномъ храмѣ и тамъ торжественно выбираютъ представителей въ Великую Земскую Думу, въ предшествіи и послѣдованіи церковныхъ молебствій. Количество выборныхъ не должно быть слишкомъ велико, приблизительно 500—600 человекъ; 10—12 отъ каждой русской губерніи. Причемъ желательно выдѣть въ ихъ числѣ духовныхъ особъ, а также и представителей отъ свободного грамотнаго крестьянства. Затѣмъ въ эту совѣщательную Думу ео ipso включаются въ полномъ своемъ составѣ Государственный Совѣтъ и Святѣйшій Синодъ, какъ преемники, первый—старой Боярской Думы, а второй—Освященнаго Собора. Я намѣчаю только общія черты. Но эти общія черты только и могутъ дать Земскому Собору чисто русскій характеръ и преобладаніе консервативнымъ элементамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать толчокъ къ пробужденію національнаго чувства и къ поднятію глубоко упавшаго русскаго духа. Да не забудьте приготовить серьезные государственные вопросы и проекты, обсужденіемъ которыхъ займется Земская Дума. Мѣсто для нея, безъ сомнѣнія, должно быть отведено прежнее, т.-е.

Москва, а время созыва, по моему крайнему разумѣнію, не можетъ быть назначено ранѣе окончанія войны.

Изъ сказаннаго мною о Земскомъ Соборѣ читатель, надѣюсь, ясно видитъ, что я не считаю его чѣмъ-то необходимымъ, безъ чего нельзя обойтись, а если и допускаю, то не иначе, какъ въ прежнемъ его видѣ.

(Газ. „Кремль“).

Къ вопросу объ устройствѣ въ г. Полтавѣ церковно-историческаго древнехранилища.

Въ седьмомъ номерѣ Пол. Епар. Вѣдомостей свящ. Короповъ въ свой замѣтаѣ! „Къ предстоящему епархіальному съѣзду“ между прочимъ писалъ: „важный вопросъ о церковномъ древнехранилищѣ съѣздъ положительно постарался сбить съ рукъ, передавъ въ Комиссію, для работы которой не оставилъ ровно никакихъ руководящихъ нитей“. Пользуясь настоящимъ вполне резоннымъ замѣчаніемъ, мы исполняемъ свое обѣщаніе — сообщить данныя о современномъ положеніи разсматриваемаго вопроса.

Во имя исторической правды, пишущій эти строки долженъ засвидѣтельствовать, что никакой Комиссіи для разработки вопроса о древнехранилищѣ не существуетъ. Не знаю, чья въ этомъ вина, но безспорно, что до прибытія на Полтавскую епархію, Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна никакого дѣла по разсматриваемому вопросу не было. Только благодаря его *личной инициативѣ и сочувствію*, этотъ вопросъ не постигла печальная участь, — вторично представить очередному съѣзду въ 1905 году въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ 1902 г., т. е. въ формѣ предложенія. По мѣрѣ своего ознакомленія съ многочисленными и разнообразными нуждами епархіи, изъ которыхъ одни, конечно, заслуживали съ его стороны преимущественнаго изученія, Преосвященный Владыка обратилъ должное вниманіе и на вопросъ объ устройствѣ древнехранилища. Правда Комиссіи не существуетъ и въ настоящее время, но самый вопросъ хотя медленно, но подвигается къ осуществленію. Подъ непосредственнымъ ру-

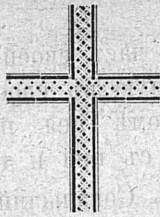
ководством Преосвященнаго Владыки идутъ подготовительныя работы по собиранію нужнаго матеріала и рѣшаются нѣкоторые частныя вопросы. Такъ, по его мнѣнію, древнехранилище должно находиться въ центральномъ пунктѣ епархіи, т. е. въ г. Полтавѣ, а не въ другихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ имѣются духовныя училища—въ Ромнахъ, Лубнахъ, Переяславѣ. Въ Полтавѣ бываетъ, несомнѣнно наибольшее стеченіе духовенства, члены котораго связаны съ ней многими нитями, начиная съ частныхъ и семейныхъ до епархіальныхъ включительно. Съ другой стороны въ ней уже имѣются лица, которыя изъ любви къ родинѣ, займутся, изученіемъ сохранившихся памятниковъ южно-русскаго религіознаго искусства. Таковы, напр. члены Полтавской ученой архивной Комиссіи, нѣкоторые преподаватели духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній и вообще изслѣдователи и любители „Полтавщины“.

Временное помѣщеніе для древнехранилища Преосвященный Владыка готовъ предоставить въ своемъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ имѣется нѣсколько свободныхъ комнатъ. Тутъ предварительно и можно будетъ размѣстить въ должномъ порядкѣ имѣющіе поступить памятники церковной старины. По мѣрѣ развитія этого серьезнаго и сложнаго дѣла вопросъ о помѣщеніи будетъ рѣшенъ болѣе удовлетворительно, что покажетъ, конечно, недалекое будущее.

Наконецъ, самому собиранію сохранившихся памятниковъ должно предшествовать ихъ описаніе. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобъ опредѣлить наличность церковныхъ древностей и сдѣлать изъ нихъ выборъ наиболѣе цѣнныхъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніи. Кроме того, предполагаемая опись по выработаннымъ заранѣе вопросамъ, должна доставить богатый и цѣнный матеріалъ изъ мѣстныхъ источниковъ—письменныхъ и устныхъ.

Отъ души желаемъ, чтобъ духовенство епархіи отнеслось къ описи болѣе внимательно и серьезно. Пусть каждый помнитъ, что это дѣлается въ интересахъ дорогой родины!

Н. Орловъ.

Скромный вѣнокъ на свѣжую могилу почившаго священника, Адріана Со- кальскаго.

8-го февраля сего года 4 благочиннической округъ Миргородскаго уѣзда погребаль одного изъ лучшихъ людей нашего времени, добръ потрудившагося пастыря, заштатнаго священно-іерея о. Адріана Сокальскаго. Скромное пожеланіе сельскаго священника не могло заслонить отъ взоровъ людскихъ высокихъ качествъ души почившаго, качествъ, которыми не только украшалось существо этого человѣка, но отраженіемъ которыхъ блистали многіе въ нашемъ округѣ. Семидесятилѣтній, согбенный, отъ времени и жизненныхъ непогодъ, давно страдающій скрытымъ недугомъ, капля по капль уносившимъ жизнь этого добродѣтельнаго мужа, --- о. Адріанъ, какъ истый подвижникъ благочестивой вѣры, какъ христіанскій философъ, здраво и право цѣнящій вещи вѣка сего, безбоязненно и, казалось, съ торжествомъ встрѣчалъ кончину свою. И она пришла; но не та грозная, страшная, лютая кончина, которая является удѣломъ нечестивыхъ грѣшниковъ; но тихая, безмятежная, непостыдная, мирная, — та, о которой молился почившій въ теченіи сорока семи лѣтъ своего пастырства. Заблаговременно пріявшій св. Таинство Елеосвященія и неоднократно причастившійся святѣйшихъ Тѣла и Крови Христовыхъ, о. Адріанъ много разъ напоминалъ приснымъ своимъ о близости своей смерти; но, поелику никто не слышалъ его болѣзненныхъ воплей и стонъ, никто не видѣлъ его страждущимъ отъ недуга и лежащимъ на одрѣ болѣзни, то напоминанія его казались слишкомъ отдаленными угрозами смерти. Онъ проснулся и 6-го февраля рано утромъ, какъ всегда, но солнце этого дня уже не свѣтило ему, какъ вчера и во все прошлое время. Было три часа утра, онъ подошелъ къ стѣннымъ

часамъ, чтобы узрѣть часть своей кончины; разбудилъ свою дочь, мирно почивавшую въ своей комнаткѣ, сказалъ, что очень больно, что кромѣ нея никого нѣтъ при немъ изъ дѣтей его, простился съ ней и тихо псчилъ о Господѣ.

Адріанъ Матеіевичъ Сокальскій сынъ причетника Архангело-Михайловской церкви м. Устивицы, Миргородскаго уѣзда. По окончаніи курса Переяславской Духовной Семинаріи съ званіемъ студента въ 1855 году, Адріанъ Матеіевичъ вступилъ въ бракъ и 4-го декабря того-же года рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви м. Устивицы Преосвященнымъ Наванаиломъ, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ. Молодой, энергичный священникъ, полный силъ и желанія трудиться на пользу истинно народнаго просвѣщенія, о. Адріанъ уже въ слѣдующемъ (1856) году открылъ училище для мальчиковъ въ своемъ домѣ и безвозмездно трудился въ немъ въ теченіи восьми лѣтъ; а когда училище перешло въ вѣденіе Миргородскаго земства, онъ продолжалъ свои труды по школѣ въ качествѣ Законоучителя до 1876 года также безвозмездно. 30 января 1876 года о. Адріанъ заболѣлъ и уволенъ, по прошенію, отъ обязанностей законоучителя. Будучи нелѣпнымъ и безкорыстнымъ труженикомъ въ своемъ приходѣ, о. Адріанъ оказался такимъ-же и за его предѣлами: духовенство уполномочивало его не разъ на окружные и общепархіальныя сѣзды; Епархіальное Начальство избрало его—въ 1868 году—депутатомъ, въ слѣдующемъ году—членомъ благочинническаго Совѣта, а 17-го августа 1887 года—благочиннымъ 4-го благочинническаго округа Миргородскаго уѣзда.—Усердно-добросовѣстное исполненіе имъ принимаемыхъ на себя обязанностей не могло не обращать на него вниманія Епархіальнаго Начальства и, время отъ времени, оно поощряло труженика наградами: 17-го января 1864 года о. Адріанъ награжденъ набадренникомъ „за безмездные труды по народному образованію“; 30-го марта 1874 года—скуфьею, „отъ св. Синода выдаваемою“; 18-го апрѣля 1881 года—„бархатною фіолетовою камилавкою—за отлично-усердную службу, по Высочайшему повелѣнію“; 7-го мая 1897 года—орденомъ св. Анны 3-ей степени; 1 апрѣля 1900 года—наперснымъ крестомъ, отъ св. Синода выдаваемымъ. Прихожане и духовенство округа въ свою очередь не остались равнодушными созерцателями

добрыхъ дѣяній о. Адріана, — первые — въ предѣлахъ прихода и храма, — который, къ слову сказать, вновь былъ устроенъ усердіемъ прихожанъ, стараніемъ-же и заботами о. Адріана въ 1765 году; — вторые, по выходѣ его за штатъ, въ молитвенно-благодарную память о чисто-человѣческихъ и начальническихъ отношеніяхъ его къ подвѣдомственному духовенству: съ разрѣшенія Преосвященнаго Иларіона, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, прихожане поднесли о. Адріану наперсный золотой крестъ, украшенный драгоценными камнями — 25 декабря 1900 года, а духовенство округа — икону соименнаго святаго (муч. Адріана) — 8-го ноября 1902 года *). Здѣсь я опускаю множество благословеній и благодарностей со стороны духовнаго и свѣтскаго начальства.

Почившій о. Адріанъ, при всемъ томъ безкорыстіи, которымъ стяжалъ себѣ доброе имя едва-ли не въ цѣломъ уѣздѣ, жилъ безбѣдно, Господь благословилъ его и матеріальнымъ достаткомъ, — болѣе 250 десятинъ благопріобрѣтенной имъ, прекраснаго качества, земли давали пропитаніе многимъ неимущимъ и обездоленнымъ, и всего менѣе приносили выгоды ихъ обладателю. Семья о. Адріана состоитъ изъ пяти человѣкъ взрослыхъ и пристроенныхъ дѣтей: двѣ его дочери, окончивъ высшіе медицинскіе курсы, состоятъ женщинами — врачами; одна, по окончаніи курса въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, вышла замужъ за священника; сынъ его состоитъ инженеромъ путей сообщенія, а самая младшая дочь, окончившая курсъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, по смерти матери, вела отцовское хозяйство, живя при отцѣ.

Покойный о. Адріанъ былъ человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Если поступки человѣка, выраженные въ его отношеніяхъ къ семьѣ, подчиненнымъ, сослуживцамъ, начальникамъ, отличаясь постоянствомъ, достаточны для характеристики человѣка, — то — кротость, искренность, правдивость, доброта, непямятозлобіе, терпѣливость, нестяжательность, богобоязненность, привѣтливость, благожелательность, радушіе и благодушіе, — эти постоянные спутники поступковъ о. Адріана, — отъ перваго дня его самостоятельной жизнедѣятельности и до послѣдняго момента, — ярко изобразили въ немъ въ высокой мѣрѣ добродѣтельно мужа, —

*) См. 5 № Еп. Полт. вѣдомостей, неофф. ч. 1903 г.

прекраснаго семьянина, благонадежнаго гражданина, истиннаго пастыря, неусыпно стоявшаго на стражбѣ своей, беззавѣтно предавшагося волѣ Божіей христіанина.

Роковая вѣсть о кончинѣ о. Адріана быстро облетѣла нашъ округъ и утромъ 8-го февраля собрала вокругъ его праха всѣхъ священниковъ и о. о. діаконовъ, бывшихъ въ свое время подвѣдомыми ему. По окончаніи заупокойной литургіи, за которой было произнесено задушевное слово въ память почившаго священникомъ о. Іоаномъ Олѣйниковымъ, начался торжественно-умилительный обрядъ священническаго погребенія, совершавшійся всѣми священниками (за болѣзнію — одинъ отсутствовалъ) и о. о. діаконами 4-го благочинническаго округа, во главѣ съ о. благочиннымъ. Въ самомъ началѣ отпѣванія сказана была слѣдующая рѣчь священникомъ о. Николаемъ Сребницкимъ, прибывшимъ изъ Лохвицкаго Уѣзда:

„Приснопамятный священно-іерей Адріанъ! Узнавъ о мирной и блаженной кончинѣ тооей, прибылъ и я отдать тебѣ послѣдній долгъ молитвеннаго, прощальнаго напутствія туда, откуда не будетъ возврата, побуждаемый къ сему какъ родственною близостью, такъ и тѣмъ еще, что и я, почти семидесятилетній странникъ земной юдоли, столь въ недалекой очереди за тобою. Вижу благочестивый соборъ священнослужителей, прибывшихъ проститься съ останками твоими и усердно помолиться, и подобаешь помолится и молиться: всѣ, окружающіе прахъ твой, до самой смерти своей сохранять о тебѣ живое представленіе, какъ добромъ собратѣ — пастырѣ, мудромъ и благожелательномъ совѣтникѣ, примѣрномъ семьянинѣ, идеально-справедливомъ начальникѣ, глубоко-искреннемъ христіанинѣ, кроткомъ, ласковомъ, привѣтливомъ человѣкѣ, Изглядятся-ли изъ чьего-либо сердца тѣ невыразимо — пріятныя впечатлѣнія, которыя ты производилъ на всѣхъ своимъ добродушіемъ привлекательностію взора, сладостію рѣчи? Сколько сердець билось къ тебѣ глубокой благодарностію еще въ то время, когда я былъ подъ началомъ твоимъ, за твое добросердечіе, участливость, сострадательность? Нищій и убогій находили и вещественную помощь, и разумное утѣшеніе въ словѣ,

коль скоро притекали къ тебѣ; скорбный сирота имѣлъ въ тебѣ любвеобильнаго отца и забывалъ свое сиротство; странникъ безпріютный въ домѣ твоёмъ имѣлъ пристанище; убитый горемъ согрѣвался такимъ участіемъ со стороны твоей, что самое горе его казалось легкимъ бременемъ. Ни размѣры нужды матеріальной, ни степень страданій нравственныхъ, ни сила гордыни, ни пропасть отчаянія, „ни иная тварь“ не въ силахъ были остановить движеній сердца твоего, бывшагося только любовью къ ближнимъ твоимъ.

Созерцаю тебя и какъ пастыря—молитвенника: съ какимъ глубокимъ смиреніемъ предстоялъ ты предъ св. престоломъ? съ какимъ дерзновеніемъ возносишь ты свои молитвы къ Щедродателю Богу? А поученія твои? Въ нихъ—каждое слово дышало неотразимою правдой, каждый звукъ—плѣнительной искренностью; каждая мысль—помазанностью, а сочетаніе ихъ, простое и общедоступное, всегда умиляло слушателей....

Много можно-бы сказать и о благовоспитанности семьи твоей и твоего (бывшаго) прихода: добрыя сѣмена, посѣянные тобою, уже принесли и несутъ добрые плоды... Но не мнѣ сплетать для тебя вѣнецъ правды! Тотъ, Кто „воздастъ комуждо по дѣломъ его“ въ день онъ, не уронитъ ни единаго бисернаго зерна твоего, и тогда заблестаетъ вѣнецъ твой во всю вѣчность тѣми добродѣтелями, какими блистала жизнь твоя во времени.

Но, братія мои, въ глубинѣ моего христіанскаго сознанія я какъ бы слышу загробный голосъ незабвеннаго о. Адріана. Онъ, этотъ голосъ, вѣщаетъ мнѣ, что все, содѣянное имъ въ земной жизни его, было лишь исполненіемъ долга, что „никто не чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли,“ что, по слабости человѣческаго естества, возможны были паденія съ его стороны вольныя и невольныя, что по всему этому, онъ теперь, какъ никогда раньше, имѣетъ великую нужду въ прощеніи его со стороны какъ іереевъ Божіихъ, такъ и прочихъ братій во Христѣ и сестеръ; имѣетъ великую нужду въ усердныхъ молитвахъ со стороны отецъ и братій, присныхъ и чадъ, дабы не помянулъ Милосердный Господь прегрѣшеній его вольныхъ и не вольныхъ и водворилъ духъ его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ прохладнѣ, идѣже пре-

бываютъ праведныхъ души.—Преклонимъ—же, братіе и сестры, колѣна сердець нашихъ предъ неизслѣдимою пучиною милосердія Начальника живота и смерти, и положимъ въ мысляхъ своихъ—на все будущее время, доколѣ живы, со умиленіемъ преклоняться предъ нею, пизмѣнно взывая ко Господу: „Помилуй, Господи, раба Твоего, священноіерея Адріана, да, непостыдно жившій и скончавшійся, непостыдную часть улучить въ сонмъ избранныхъ Твоихъ!“

Аминь.

Во время отпѣванія, послѣ шестой пѣсни канона, сказано было слово священникомъ о. Андреемъ Михайловскимъ: дѣянія о. Адріана, какъ пастыря, благочиннаго, христіанина и человѣка, съ чувствомъ мѣры и справедливости выраженный проповѣдникомъ, составили содержаніе этого слова *).—Послѣ канона говорилъ теплое прощальное слово товарищъ почившаго по училищу, семинаріи и пастырской службѣ, заштатный священникъ Андреевской церкви м. Яресекъ, отецъ Павелъ Негеевичъ, характеризовавшій почившаго въ дѣтскіе, юношескіе и зрѣлые лѣта его; а равно и отношенія незабвеннаго о. Адріана во время исполненія имъ обязанностей благочиннаго, ко всѣмъ священникамъ вѣдомства и въ частности—къ нему самому.

Центральное, такъ сказать, мѣсто заняла рѣчь отца Благочиннаго, священника Іоакима Станиславскаго, какъ по времени и порядку среди другихъ рѣчей, такъ и по мыслямъ, составившимъ содержаніе ея и по самому выраженію этихъ мыслей *). Эта рѣчь ярко изобразила ту любовь, какою окруженъ былъ почившій, отовсюду,—отъ сродниковъ, сослуживцевъ, подчиненныхъ, слугъ, прихожанъ и всѣхъ вообще, знавшихъ о. Адріана—близкихъ и далекихъ; и, поелику „любы николи же отпадаетъ“, то проповѣдникъ не можетъ представить себѣ, чтобы кто-либо изъ людей, знавшихъ о. Адріана, не выражалъ-бы своей любви къ нему, по его кончинѣ, усерднымъ моленіемъ къ Богу о водвореніи души приснопамятнаго іерея Адріана въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова.

* Къ сожалѣнію—не можемъ напечатать этого слова, такъ какъ авторъ не прислалъ намъ его.

** Рѣчь произнесена безъ тетради, и мы не беремъ передать ее „приблизительно“, что-бы не обезцѣнить достоинствъ ея.

Послѣ „послѣдняго цѣлованія“ ко гробу о. Адріана по-
дошелъ зять его, священникъ о. Сергій Сребницікій, и ска-
залъ слѣдующую рѣчь:

„Неизбѣжная разлука съ дорогимъ для насъ прахомъ
твоимъ наступила... О, какъ тяжела эта минута! о, сколь
горестна эта разлука! Позволь-же, дорогой отецъ, отъ себя
и ото всѣхъ опечаленныхъ дѣтей и внуковъ твоихъ сказать
тебѣ послѣднее „прости“!

Потускнѣлъ п навсегда закрылся твой свѣтлый взоръ,
тотъ особенный взоръ, что ласкалъ насъ, вливалъ неизъ-
яснимую отраду въ сердца всѣхъ, знавшихъ тебя, и осо-
бенно—въ сердца наши—твоихъ родныхъ и присныхъ; на-
вѣки сомкнулись твои уста, глаголавшія всегда одну свя-
тую истину, наставлявшія насъ на путь добра и правды,
ободрявшія, утѣшавшія, научавшія, благословлявшія...
Скрестились и застыли трудолюбивыя руки твои, безъ от-
дыха несшія блага—своимъ и чужимъ, близкимъ и дале-
кимъ; а сердце... оно билось трогательной любовью къ
Богу и ближнимъ... и вотъ—сжалось и остановилось!
Долго ты былъ свѣтильникомъ, не подъ спудомъ горѣвшимъ,
но на свѣщницѣ; и вотъ—угасъ, теченіе скончалъ; и на-
послѣдокъ ты остался не безъелейнымъ свѣтильникомъ, ибо
вѣру соблюлъ и проникновеннымъ окомъ духа своего взи-
ралъ на вѣнецъ правды, уготованный тѣмъ, кто всѣмъ
сердцемъ возлюбилъ Отца правды. Отецъ! мы всѣмъ суще-
ствомъ своимъ любили тебя, и нельзя было не любить тебя—
кроткаго, милостиваго, любвеобильнаго, всепрощающаго; но
мы-же, по лекомыслию, столь свойственному молодымъ лю-
дямъ, не разъ, быть можетъ, и огорчали тебя. Прости намъ
все, чѣмъ вольно или невольно причинили незлобивою душѣ
твоей горечь! Ни одинъ шагъ жизни нашей ты не остав-
лялъ безъ своего благословенія... Будь милостивъ, благо-
слови насъ и нынѣ замогильнымъ благословеніемъ на само-
стоятельный путь жизни! Дѣйственна была для насъ мо-
литва твоя до этой разлуки, да будутъ и за гробомъ твоимъ
моленія твои о насъ для Господа благоуханіемъ, исходя-
щимъ отъ кадила муроварца,—пускай и мы, подобно тебѣ,
будемъ подвигомъ добрымъ подвизаться, непостыдно теченіе
жизни скончаемъ, вѣру соблюдемъ.

Братья и сестры, скорбящіе о невозвратной тяжелой ут-
ратѣ въ лицѣ почившаго! Утѣшимся въ добродѣтели про-

текущей жизнью дорогого намъ покойника: жизнь его будетъ ярко освѣщать наши стези, а нескудный источникъ духовнаго добра его открыть для насъ, чтобы мы полной горстью черпали изъ него примѣры для подражанія. Онъ идетъ теперь въ вѣчность и не слезамъ и стenaniямъ угладать его путь! Соборъ священнослужителей и этотъ безчисленный сонмъ богомольцевъ — почитателей нашего покойнаго усердиемъ своимъ, упованiемъ, выражаемымъ въ сердечныхъ молитвахъ о почившемъ, своєю любовью къ нему за любовь его къ нимъ — угладываютъ путь нынѣшній дорогого отца нашего. Тѣснiнами шелъ онъ къ небесному царствiю, да отверзеть ему Господь широкiй путь въ обители свои, столь вождѣленные отцемъ нашимъ, чтобы почилъ онъ отъ трудовъ своихъ тамъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханiе, но невозмутимо — радостная жизнь безконечна.

При пѣнiи „святой Боже,“ священники и діаконъ вынесли на своихъ плечахъ гробъ съ прахомъ о. Адриана и обнесли его вокругъ храма. Вблизи храма вырыта была могила, на краю которой поставили гробъ. Здѣсь сказано было послѣднее слово священникомъ Даниломъ Поповымъ на общую тему, въ которомъ проведена параллель между „плачу и рыдаю, егда помышляю смерть“ древняго, до христіанскаго человѣка и человѣка — христіанина, чающаго Христова утѣшенія. Слово закончилось похвалою добрымъ дѣянiямъ о. Адриана и молитвеннымъ благожеланiемъ небеснаго царствiя душѣ почившаго.

Громадное стеченiе богомольцевъ почитателей о. Адриана, среди которыхъ было не мало иновѣрцевъ — евреевъ; чреда священнослужителей, въ бѣлыхъ парчевыхъ облаченiяхъ; умиленное пѣніе двухъ хоровъ; печальный перезвонъ колоколовъ Устивицкихъ церквей; яркое, ласковое, почти весеннее солнце, наконецъ, этотъ гробъ, гдѣ мирно почиваютъ дорогіе останки незабвеннаго пастыря, исторгали изъ далекихъ глубинъ сердца молитвенное напутствiе покойнику: „Миръ праху твоему, добрый труженикъ на нивѣ Христовой, и царствiе небесное да будетъ твоимъ удѣломъ!“

священникъ Д. П.

БОЛЬШОЙ ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

складъ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ, канцелярскихъ, учебныхъ и
чертежныхъ принадлежностей

ТОРГОВАГО ДОМА

„Л. Т. ФРИШБЕРГЪ“

Александровская улица, телеф. № 40.

Поставка для учреждений и школъ.

◆ ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ. ◆

Первое Россійское Страхое Д-во, учр. въ 1827 г.,

Агентство въ г. Полтавѣ (Алекс., № 42).

Уполномочено принимать КЪ ЗАСТРАХОВАНИЮ ОТЪ ОГНЯ, дома, фабрики, домашнюю движимость сельско-хозяйствен. имущества, товары и т. н. СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ: рабочихъ на фабрикахъ, коллективные или отдѣльные, и др. лицъ а также пассажировъ на желѣзнодорожныхъ и водяныхъ путяхъ и СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ: на случай смерти, на дожитіе, на полученіе ренты въ разныхъ комбинаціяхъ.

Агентъ *И. Л. Фришбергъ.*

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

„Л. Т. Фришбергъ“

ПРИНИМАЕТЪ НА СТРАХЪ ОТЪ ТИРАЖА ПОГАШЕНІЯ

1 Мая 1905 г.

5% выигр. билеты III займа. Обмѣнъ вышедшихъ билетовъ въ тиражъ производится конторой на мѣсть.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ НА ВЕСЬ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

САМЫЙ БОЛЬШОЙ МАГАЗИНЪ

Р. М. Ф О Л О М И Н А

ВЪ КІЕВѢ,

Подоль, Александровская улица, собст. домъ.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО

МАГАЗИНЪ

ЛОБАНОВА и Ко

на Александровской ул., въ домъ Фришберга.

Постояно большой выборъ, ЗОЛОТЫХЪ, СЕРЕБРЯНЫХЪ
и БРИЛЛАНТОВЫХЪ вещей, карманныхъ, столовыхъ,
стѣнныхъ и кабинетныхъ часовъ

ИКОНЫ и ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ,

а также мельхиоровыхъ издѣлій разныхъ фабрикъ, ЦѢНЫ
ФАБРИЧНЫЯ съ ручательствомъ за качество товаровъ

СОДЕРЖАНИЕ:— I. Бесѣды по прочтеніи Высочайшаго манифеста манифеста, даннаго 18 февраля 1905 года.— II. Бесѣды пастыря къ пасомымъ. III. Что намъ теперь дѣлать.— IV. Письмо къ сельскому священнику. (О родной школѣ). V. Дн. Ив. Пловайскій о Земскомъ Сборѣ на Руси.— VI. Къ вопросу объ устройствѣ въ г. Полтавѣ церковно-историческаго древнехранилища.— VII. Скромный вѣнокъ на свѣжую могилу почившаго священника Адриана Сокальского.— VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи

В. Конопатовъ
В. Терлецкій.

Печат., съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 1 г рѣля 1905 года.

Полтава, Типо-Литогр. Т. Д. „Л. Фришбергъ.“